

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Педагогика религии: Два разговора между Богом и детьми

Питер Гелдерлоос

Весна 2003

Это была панихида по моему дедушке, и пастор голландской реформатской церкви сделал перерыв в разговоре о Боге и Небе с прихожанами, в число которых я, как послушный внук, к сожалению, на тот момент были включен, чтобы обратиться к детям в зале - внукам и правнукам покойного, почти все из которых крещены в голландской реформатской церкви или близкой к ней конфессии, поскольку яблоко от яблони недалеко падает.

”Итак, вам, наверное, интересно, - начал пастор снисходительным тоном, лишь немного более точным по дикции и произношению, чем тот, с которым он обращался к взрослым, - к чему все это. В пятницу, когда вы узнали, что дедушка умер, ваши мама и папа сказали вам, что дедушка попал на небеса. Они сказали тебе, что он на время покидает нас, потому что Бог позвал его быть с Ним на Небесах”. Его уверенность в этом была примерно такой же, как и

Питер Гелдерлоос
Педагогика религии: Два разговора между Богом и детьми
Весна 2003

Переведено 10.10.2023 с <https://theanarchistlibrary.org/library/peter-gelderloos-the-pedagogy-of-religion-two-conversations-between-god-and-children>

ru.anarchistlibraries.net

его убежденность в посмертной судьбе моего деда. Будучи эмпирическим фактом (мама и папа либо объяснили, либо не объяснили смерть таким образом) и сверхчувственным, нерациональным утверждением веры (Небеса и душа не подлежат проверке и наблюдению), рассказы пастора были не столько предположением о факте, сколько напоминанием об ортодоксальности. Доверчиво предполагая, что все присутствующие родители использовали смерть как возможность смутить юные умы и заставить их принять религию, пастор одновременно строго напоминал, что это их обязанность, и таким образом обращался к родителям в той же мере, что и к детям. Не столько дети получали урок, сколько он сам.

”Но когда в воскресенье вы пришли в похоронное бюро, - продолжал он, - и увидели дедушку, лежащего в гробу, вы, наверное, растерялись. Разве мама и папа не сказали, что дедушка уже на небесах? Почему же он лежит здесь? Ну, я тебе скажу, почему. Это не дедушка лежал там, в похоронном бюро. Это было только его тело. Понимаете, тело - это всего лишь дом для души. И когда тело умирает, это означает, что душа отправилась на небеса. Дедушка сейчас на небесах с Богом, потому что Бог позвал его и сказал: ”Эй, пришло твое время. Переходи на мою сторону и живи со мной на небесах”. И дедушка покинул свое тело-дом и отправился на небеса. Но поскольку дом создал Бог, поскольку дом - это его творение, и он его тоже любит, поэтому мы относимся к нему с уважением, наряжаем его, делаем его красивым, кладем в гроб и закапываем в землю. Но душа живет вечно, и мы с вами - это души, а наши тела - всего лишь дом. Тело однажды умрет, но христиане живут вечно. Когда мы умираем, мы выходим из нашего тела-дома, чтобы жить в Царстве Божьем. Для дедушки это был день переезда”.

усталое повторение упрощенных трюизмов не оставляет места для самостоятельного утверждения (поскольку это открыло бы путь к противоречию или дезавуированию), оно может возобновить свою силу только тогда, когда ему учат и его принимают новые члены, и только на уровне детского мистицизма эти тавтологические объяснения морали достаточны; таким образом, незрелость взрослых, отражаясь на детях, может подтвердить их ортодоксальность.

Родители обновляют свою веру викарно, через своих детей, даже когда им внушают, что они должны внушить им необходимость увековечить религиозную иерархию. (Ведь даже готовясь к настоящей жизни на небесах, богобоязненные люди обязаны размножаться и продолжать свое господство на земле).

ви, а демонстрация того, как ребенок получает урок, - это прежде всего демонстрация правильного для всех членов общины поведения верующего человека перед моральным авторитетом.

Таким образом, идеальные отношения между прихожанами и руководством церкви - это патриархальные отношения, отношения отца и детей, пастыря и овец, где Бог - отец, а прихожане - дети. Не будучи активным или даже присутствующим участником, Бог нуждается в посреднике - священнике. Священник использует отношения между собой и детьми общины, чтобы показать, что должно быть воспроизведено между Богом (представленным им самим) и всей общиной. Они - его паства. Другие демонстрации морально санкционированной власти (например, недавняя драма в католической церкви) вытекают из этих иерархических отношений, как пастух делает то, что должен делать со своими овцами.

Однако вся община не может политически задержаться на уровне инфантильной беспомощности (в то время как подобная заторможенность на интеллектуальном уровне гораздо более устойчива во времени). Священник в одиночку, без посторонней помощи, не сможет поддерживать такую тиранию. Хотя они и не говорят от имени Бога, но со временем, в соответствии с современной системой иерархии, собственники-мужчины становятся церковными старостами, хотя и могут это делать лишь постольку, поскольку они говорят в один голос и не дают опровержения слову Божьему, которое принадлежит только священнику (и, соответственно, священник не может сказать ничего неожиданного, а должен повторять уроки морали по отшлифованной зубрежке, как таблицу умножения). Это единоначалие в рамках моральной иерархии не подпитывается дискурсом, оно воспроизводится инкультурацией, что выражается в программном обучении детей. А поскольку это

За теплотой и мягкостью педантичной проповеди пастора скрывалась какая-то строгость, как будто он доводил до конца уже прозвучавшую мысль, держа в заложниках детей, чтобы донести ее до остальных. Но не успел я поразмышлять на эту тему, как женщина за роялем начала напевать тоскливые гимны о том, что Иисус любит нас и умирает за нас, и мы должны любить Иисуса, чтобы жить с Богом в Царстве Небесном, и т.д. Я недоумевал, что эти люди сидят на таких повторениях один или два раза в неделю.

В другое воскресенье, спустя несколько месяцев, я случайно проснулся от еще большего количества подобных гимнов, когда мой радио-будильник, обычно настроенный на новости или музыку, включился как раз во время утренней службы местной меннонитской церкви. Совершенно другая конфессия, но гимны с точно такими же заезженными темами о любви к Иисусу и жизни с Богом после смерти, как будто эти белые прихожане из среднего класса прожили жизнь в жесточайших муках и угнетении, что они должны затаить дыхание в ожидании жизни после этой, прежде чем они смогут получить удовлетворение, а до тех пор будут уверены, что какой-то невидимый лепреконт под навесом любит их и защитит от всех страданий, кроме тех, которые они действительно испытывают, что, в общем, было просто испытанием.

После этого проповедник-фигура в этой общине вывел на сцену, или кафедру, или что там у этой конкретной церкви было на переднем плане, несколько детей и стал их опрашивать ради какого-то веселого урока.

”Какие вещи делают вас счастливыми?” - спросил проповедник.

”Игры с друзьями”, ”Солнышко”, ”Дни рождения”, - звучали приторные, фальцетные ответы.

”О, дни рождения, да. А какие вещи вас злят?” - спросил проповедник выразительно, как начинающий актер. Робкие ответы прозвучали невнятно. ”Теперь, когда вас что-то радует или злит, - продолжал проповедник, - с кем вы можете об этом поговорить?” Дети выглядели неуверенно: ответов не было. ”С кем вы можете поговорить? Кто тебя любит и заботится о тебе?”

Этот ответ они знали, и ответы последовали без колебаний: ”Мои друзья”. ”Мои родители”.

”Да, твои родители. Твои родители любят тебя больше всех на свете!” И снова это был не подтвержденный факт, а выражение идеальных отношений, и подтверждение проповедника не распространялось на отношения друзей - разница, возможно, в том, что ровесники не могут дать того, что могут дать родители: наставничество в возрастной иерархии, которая приходит с религией. ”Но кто еще? Ты помнишь гимны, которые мы только что пели? Кто еще тебя любит?”

Уже не говоря с уверенностью, а вспоминая утренний мелодичный урок, дети отвечали заученно, тоном человека, выполнившего только что выученный трюк и ожидающего награды (я почти видел, как они виляют хвостами): ”Бог!”

”Хорошо! Правильно!” - ликовал проповедник. ”Бог любит тебя больше всех, даже больше, чем твои родители! И в любое время, когда тебе нужно, ты можешь поговорить с Богом, потому что Бог любит тебя и хочет знать, о чем ты думаешь, хочет знать, что у тебя в сердце. Поэтому в любое время, когда тебе захочется, ты должен поговорить с Богом и сказать Ему, что тебя радует, а что злит, даже если ты злишься на Него”. Их готовят к разочарованию в столь юном возрасте. Проповедь продолжалась...

Использование детей для объяснения морального урока ничего не стоит, причем я намеренно говорю ”использование”. В обоих случаях дети становятся центральной фигурой проповеди, а внушение им мыслей - своего рода игрой или басней, адресованной взрослым. О том, что дети играют роль реквизита, свидетельствует тотальное игнорирование их до и после появления в плане урока. То, что обе беседы носили педагогический характер, наглядно демонстрирует фигура учителя в каждом случае: тот, кто читал лекцию, не в меньшей степени, чем тот, кто развлекал диалогом, фарсом, явно призванным подвести детей к ”правильному” ответу.

Тавтологичность религии дает некоторое объяснение тому, что священник использует детей для обучения родителей. В религии нет сложных истин, которые могли бы быть поняты или переданы только ”зрелому” уму. Напротив, разум верующего должен находиться в ”незрелом” состоянии, чтобы принять за глубокие и непреложные тайны мистификации, которыми религия старательно маскирует вполне исторически сложившиеся моральные системы, социальные отношения и властные структуры статус-кво. Христианство, например, является философски упрощенной религией (возможно, это излишнее выражение), и от верующего требуется прежде всего детское (детскость - это социально обусловленная ценность, а не черта, присущая детям — прим. автора) отстранение от веры, бесконечный прыжок веры даже за пределы извечной фантазии о Санта Клаусе, который, по крайней мере, выдает какое-то измеримое вознаграждение в обмен на благочестие, которое он получает. Таким образом, ребенок, полностью обученный признавать свое невежество и доверять мифической мудрости взрослого, является идеальным учеником церк-